

Следы, оставленные ими по пути сюда, уже замело, а деревья вокруг выглядели абсолютно одинаково. В этой снежной круговерти Цзян Шоуянь совершенно потерял ориентацию. Натянув шапку, он брёл, ведомый Чэн Цзайе, то и дело глубоко проваливаясь в снег. Вскоре они выбрались из леса.

Даже оказавшись рядом с арендованной машиной, Цзян Шоуянь, всё ещё не мог прийти в себя.

— Мы уже вышли? — пробормотал он.

— Ага, — усмехнулся Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь оглянулся на пройденный ими путь. Снег густо валил, следы чуть поодаль уже исчезли из виду. Ослепительно-белые небо и земля почти слились воедино. Берёзовая роща казалась бескрайней. Оказавшись в её власти, Цзян Шоуянь повсюду видел подобие дороги, но Чэн Цзайе, крепко держа его за руку, провёл их по единственно верному пути.

Цзян Шоуянь отвернулся. Чэн Цзайе открыл заднюю дверцу машины, сложил два задних ряда сидений, а затем протолкнул чемодан Цзян Шоуяня чуть глубже в салон.

— Откуда ты знаешь дорогу? — спросил его Цзян Шоуянь. На морозе его голос приобретал особое звучание — некую тягучую ленцу, от которой невольно таяло сердце. Чэн Цзайе, пригнувшись, вылез из салона, смахнул снег с шапки Цзян Шоуяня и ответил:

— Опыт и интуиция. Я много путешествовал.

Цзян Шоуянь отвернулся. Следы вблизи уже полностью замело, а вдалеке снежная пелена стёрла очертания. Но на какое-то мгновение ему почудилось, будто он снова видит тот незамерзший участок реки. Сколько бы снега ни навалило, каким бы лютым ни был мороз, геотермальные источники непрерывно греют её, заставляя течь, переполненную жизненной силой.

— И всё же, отправляясь на прогулку в такую погоду, лучше оставлять метки на деревьях, иначе заблудиться проще простого, — добавил Чэн Цзайе и, чуть посторонившись, сказал: — Залезай внутрь и переодень штаны — ты промок до колен.

Пространства на заднем сиденье было маловато, особо не развернёшься. Встав коленями на кресло, Цзян Шоуянь раскрыл чемодан и отыскал брюки. Печка в салоне вовсю грела. Цзян Шоуянь стянул с себя шапку и куртку, бросив их в угол багажника, где с них тут же натекла лужица воды.

Под верхними брюками у Цзян Шоуяня были утеплённые штаны, так что переодеться сидя оказалось не так-то просто. В процессе он мельком взглянул на улицу: Чэн Цзайе стоял перед открытым капотом, проверяя антифриз. С ракурса Цзян Шоуяня была видна лишь его взъерошенная макушка. «А ведь его волосы наверняка промокли от снега».

Цзян Шоуянь кое-как натянул брюки, сунул мокрые в целлофановый пакет и, извернувшись, принялся рыться в чемодане в поисках полотенца. Едва его пальцы нащупали ткань, как позади хлопнула дверца. Чэн Цзайе стремительно сбросил куртку и юркнул в салон, принося с собой запах морозной стужи. Его руки были ледяными, а вот грудь — по-настоящему горячей. Прижавшись к нему, Чэн Цзайе заставил Цзян Шоуяня едва заметно вздрогнуть.

— Как же тепло, — проговорил Чэн Цзайе, обвивая руками его талию. Кончик его носа скользнул по ушной раковине и уже собирался опуститься ниже, но Цзян Шоуянь выставил руку, преграждая путь.

— Я не мылся в поезде, — повернув голову, сказал он.

— Ну не мылся и не мылся, — отозвался Чэн Цзайе. Он снова потянулся к нему, но внезапно его лицо и глаза накрыло чем-то мягким.

Цзян Шоуянь принялся вытирать ему волосы полотенцем. Его движения были отнюдь не ласковыми — он с такой силой тёр слегка вьющиеся волосы Чэн Цзайе, что вмиг превратил их в воронье гнездо.

Когда полотенце убрали, Чэн Цзайе всё ещё пребывал в лёгком оцепенении, что в сочетании с растрёпанной шевелюрой выглядело невероятно комично. Цзян Шоуянь не сдержал смеха. Чуть вздёрнутые уголки его глаз смягчились, верхние и нижние ресницы почти сомкнулись, во всём его облике сквозила расслабленная нежность.

Чэн Цзайе было абсолютно плевать на то, как он выглядит. Не обращая внимания на вновь накрывшее голову полотенце, он подался вперёд и повалил Цзян Шоуяня на сиденье. Полотенце соскользнуло, накрыв большую часть лица Цзян Шоуяня, закрыв ему большую часть лица упавшим полотенцем. Тот приоткрыл губы и потянулся, чтобы сдёрнуть его, но Чэн Цзайе не позволил — перехватив руку партнёра, он приник к его губам поцелуем.

Кончик носа Цзян Шоуяня закрывала ткань, отчего дыхание стало тяжёлым, влажным и прерывистым. Он погрузился в ощущения куда быстрее обычного. Едва он высунул кончик языка, как Чэн Цзайе тут же перехватил его, словно хищник, утаскивающий добычу на свою территорию. Стоило Цзян Шоуянню пошевелить пальцами, как Чэн Цзайе тут же переплёл их со своими, крепко сжав ладонь.

За окном всё так же шёл снег, в голове Цзян Шоуяня было так же пусто и бело, как на заснеженных полях. Мгновение спустя он сдавленно выдохнул: пальцы Чэн Цзайе скользнули под свитер и, сквозь тонкую нижнюю рубашку, поползли вверх от линии талии. Рубашка была совсем тонкой, а руки Чэн Цзайе всё ещё хранили уличную стужу. От этого холода Цзян Шоуянь инстинктивно выгнулся навстречу, стремясь как можно теснее прижаться к пышущей жаром груди. Добравшись до источника тепла, он крепко обхватил Чэн Цзайе за шею.

Полотенце всё так же закрывало нос, а дыхание яростно поглощалось чужими губами — он еле дышал. Влажный жар душил Цзян Шоуяня, и он слегка прикусил губу Чэн Цзайе. Тот чуть отстранился и, опустив взгляд, медленно слизал потянувшуюся между ними серебристую ниточку слюны.

Он наблюдал, как Цзян Шоуянь жадно глотает воздух приоткрытым ртом. За белизной зубов прятался красный кончик языка, а губы блестели от влаги. От долгой нехватки кислорода его дыхание сбилось, и в каждом вдохе сквозил абсолютный соблазн.

Кадык Чэн Цзайе дёрнулся. Склонив голову, он снова прильнул к зовущим губам, нежно и тягуче сминая их. Снаружи свирепствовала снежная стужа — в салоне жарила печка. Кончиком носа Чэн Цзайе понемногу отодвинул полотенце с лица Цзян Шоуяня, открывая взгляду его покрасневшие, влажные глаза. Цзян Шоуянь смотрел на него затуманенным взором. Чэн Цзайе потёрся о его нос и прошептал:

— Мой.

Цзян Шоуянь вцепился пальцами в его волосы. Не успел он вымолвить и слова, как услышал продолжение:

— А я — твой.

Они ещё какое-то время просидели в обнимку. Когда снегопад немного утих, перебрались на передние сиденья и, следуя указаниям навигатора, поехали дальше. Им удалось попасть в деревню до того, как дорогу перекрыли.

Деревушка оказалась настоящей самобытной глубинкой, простой и уютной. Коммерческим туризмом здесь и не пахло.

Чэн Цзайе отыскал гостевой дом. Хозяйка оказалась женщиной весьма радушной. В её деревянном доме пустовали три комнаты, и она принялась предлагать варианты: стандартный номер с отдельными кроватями или с одной двухспальной? С окнами или без? Кровати в каждой комнате были застелены хрустящими от чистоты традиционными для северо-востока стёгаными одеялами в крупный цветок.

— Мы везде топим каны, — хозяйка откинула одеяло, демонстрируя глиняную лежанку. — Ночью точно не замёрзнете. — Она подняла голову, снова окинула взглядом Чэн Цзайе и не удержалась от комплимента: — Ой, ну до чего же хорош собой! А росту-то сколько? Под два метра, небось? И путунхуа такой чистый. Крови, поди, смешанные? Из каких стран предки?

Примечание переводчика. Кан (炕 - tǔ kàng) — традиционная для северного Китая система отопления: широкая кирпичная или глиняная лежанка, внутри которой проходят полые каналы; иногда их заполняют песком или глиной, которые работают как аккумулятор: печь топят один раз, а лежанка остаётся тёплой всю ночь. На ней спят, едят и проводят время в зимние холода.

Затем её взгляд переместился на лицо Цзян Шоуяня, и она тут же похвалила и его:

— Этот паренёк тоже красавец, только с виду больно уж тихий.

Цзян Шоуянь лишь вежливо улыбнулся, не разжимая губ. Чэн Цзайе тоже улыбнулся и ответил:

— Метр девяносто один. Мой отец — наполовину немец, наполовину португалец, а мама — китаянка.

Хозяйка повела их осматривать последнюю комнату:

— А у нас вон, сразу за рекой, напротив деревни — Россия. Тамошние парни тоже видные, а уж глаза — загляденье! Это последняя комната. Решайте, какую возьмёте, — сказала она. — Что до еды, кормить будем тем же, что едим сами. Места у нас тут глухие, погода суровая, так что цены, конечно, повыше будут. Уж не обессудьте.

Чэн Цзайе повернул голову к Цзян Шоуяню и спросил:

— Какую выберем?

Цзян Шоуянь выбрал номер с одной большой кроватью. Как раз подошло время ужина. Только они разобрали вещи, как в дверь постучала хозяйка и пригласила к обеду. На столе красовались тушённая с грибами курочка, соленья с кукурузными булочками, жареная пекинская капуста и что-то ещё.

Еда, приготовленная на дровах, оказалась куда ароматнее обычной. Вчера вечером они перебились лапшой быстрого приготовления, а утром лишь перекусили кукурузными лепёшками. По дороге в деревню голод не давал о себе знать, но сейчас, усевшись за круглый стол, они почувствовали зверский аппетит.

Взяв палочки, Цзян Шоуянь заметил, что хозяйка не спешит садиться вместе с ними, и спросил:

— Вы ещё не закончили с делами?

— Нас не ждите, — отмахнулась хозяйка. — Вы денежки платили, так что налетайте, ешьте от пуза, не стесняйтесь!

Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе принялись за еду. Они умяли уже добрую половину, когда хозяин с хозяйкой наконец присоединились к ним. За столом беседа не умолкала: супруги, узнав, что молодые люди приехали на отдых, начали рассказывать, что интересного есть в деревне.

— В деревенском комитете вам могут поставить цветные печати: красные, зелёные — страсть как красиво! — сказала хозяйка, сделав движение рукой, словно с силой ставит штамп. — А ещё почта есть, если захотите купить открытки, можете прогуляться туда. Но сегодня после обеда, наверное, не выйдет. Снег, сдаётся мне, так и будет валить, мороз на улице жуткий.

Цзян Шоуянь слушал её, кивая в ответ, а сам взял кукурузную булочку, положил внутрь соленья и откусил. Чэн Цзайе последовал его примеру, и у него загорелись глаза. Ещё не проглотив, он начал восторженно мычать, восторгаясь вкусом. Цзян Шоуянь с улыбкой смотрел на него, хозяйка тоже посмеивалась, да и сам Чэн Цзайе в итоге рассмеялся.

Во второй половине дня и впрямь снова повалил снег. Из-за того что снегопад перекрыл дороги, в деревню больше не заезжали машины на привал, и на улицах воцарилась абсолютная тишина.

Изначально Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе хотели дождаться, пока снег прекратится, и пойти погулять. Но стоило им после сытного обеда прилечь, жар глиняного кана разморил их, нахлынула лень. К тому же в поезде они толком не выспались. Не успев перекинуться и парой фраз, они начали шуриться, невпопад отвечать друг другу, а затем, обменявшись невнятным угуканьем, и вовсе провалились в глубокий сон.

Они проснулись после шести, время ужина было упущено. Хозяйка не стала их тревожить и оставила на столе записку. Хотя запиской это назвать было сложно — видимо, не найдя бумаги, она оторвала листок календаря, на котором нацарапала: «Еда на печи, если остынет — зовите, подогреем. Фрукты на столе, ешьте на здоровье».

Цзян Шоуянь рос в деревне, топить печь и возиться с дровами было для него привычным делом. В такую холодину ему не хотелось лишний раз беспокоить хозяев, поэтому он повёл Чэн Цзайе напрямик на кухню.

Тот никогда раньше не видел традиционную дровяную печь, поэтому всё казалось ему в диковинку. Присев на корточки, он пошевелил длинное полено и спросил:

— Топят этим?

Цзян Шоуянь наклонился и заглянул внутрь: огонь ещё теплился, , тлели оранжево-красные угольки. Он приподнял крышку котелка — еда была горячей.

Чэн Цзайе подошёл поближе и, о чём-то вспомнив, спросил:

— Цзян Шоуянь, когда ты в детстве жил в деревне, вы тоже готовили еду в печи?

— Да, — ответил Цзян Шоуянь. — В детстве я ещё и дрова колот. Вот такие же длинные поленья, как то, что ты сейчас трогал. Если у хозяйки во дворе остались нерубленые дрова, завтра дам тебе попробовать.

Чэн Цзайе с улыбкой потёрся щекой о его волосы и ответил:

— Давай, я ещё ни разу не рубил дрова.

Цзян Шоуянь обернулся к нему:

— И почему тебе всё так любопытно?

— Просто во мне энергии через край, — ответил Чэн Цзайе, лукаво подмигнув.

Цзян Шоуянь ничего ему не ответил. Чэн Цзайе хвостиком следовал за ним, помогая перенести еду на стол. Вытянув бумажную салфетку и вытерев влажные руки, он снова спросил:

— А что ещё ты делал в детстве? У меня будет возможность попробовать всё это вместе с тобой?

Цзян Шоуянь не поддержал разговор. Опустив глаза, он потянулся палочками за стеклянной лапшой, которая сильно разварилась и стала такой скользкой, что, сколько он ни пытался, никак не мог её ухватить. Чэн Цзайе попытался ему помочь, но и у него ничего не вышло. Их рассмешила эта маленькая неудача. В конце концов Чэн Цзайе придвинул миску Цзян Шоуяню:

— Ешь через край, не стесняйся, мы всё равно тут одни.

Цзян Шоуяню наконец удалось добыть немного лапши. Поковыряв палочками рис, он заговорил:

— В детстве я делал абсолютно всё. — Его голос звучал тихо и размеренно. И хотя интонация почти не отличалась от его обычной манеры говорить, Чэн Цзайе что-то почувствовал: отложил палочки и, повернув голову, посмотрел на него. — Если захочешь, как-нибудь потом я могу свозить тебя туда. — Цзян Шоуянь не поднимал глаз. Казалось, настроение у него слегка испортилось, он всё так же ковырялся в чашке с рисом. — Посмотришь на мой прежний дом.

Чэн Цзайе улыбнулся и мягко ответил:

— Давай. Я с радостью.

<http://bllate.org/book/14908/1639036>